

А. Д. Корелина

**ОБРЕТЕНИЕ ДАРА РЕЧИ И НЕМОТА
В ПРОПОВЕДИ XVII в.**

Аннотация. Работа показывает, как в малоизученном сборнике «Статир» реализуется актуальный для проповеднической литературы XVII в. мотив немоты. Автор концентрирует внимание на одной из гомилий сборника, посвященной Евангельскому эпизоду изгнания Христом глухого и немого беса, роли молитвенного слова в жизни человека и значению слова проповеднического.

Ключевые слова: *бесноватый, немота, дар речи, проповедь, «Статир», XVII в.*

Для цитирования: *Корелина А. Д. Обретение дара речи и немота в проповеди XVII в. // Церковь. Богословие. История. 2023. № 4. С. 370–375.*

Сведения об авторе: Корелина Анна Дмитриевна — студент 4-го курса бакалавриата филологического факультета Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, г. Екатеринбург). *E-mail: naste.ak@ya.ru*

Молчание всегда глубоко ценилось в христианстве. О пользе и добродетельной природе молчания высказывались многие святые отцы: «Оно <молчание> есть блюстительница священной молитвы и дивная помощница при упражнении в добродетелях, а вместе и признак духовной мудрости» (прп. Никодим Святогорец)¹; «Молчание есть тайна будущего века, а слова суть орудие мира сего» (Исаак Сирин)²; «Благоразумное молчание есть мать молитвы, воззвание из мысленного пленения, хранилище божественного огня, страж помыслов, соглядатай врагов, училище плача, друг слез, делатель памяти о смерти, живописатель вечного мучения, любоиспытатель грядущего суда, споспешник спасительной печали, враг дерзости, безмолвия супруг, противник любоучительства, творец видений, неприметное предупреждение, сокровенное восхождение» («Лествица»)³. А. В. Карабыков в статье о молчании в культуре христианского Средневековья выражает суть учения о безмолвии в двух аспектах: «различаются два естественных уровня молчания: молчание уст как отстранение от общения с людьми и безмолвие души

¹ *Никодим Святогорец, прп.* Невидимая брань. М., 2010. С. 59.

² *Исаак Сирин, прп.* Слова подвижнические. Сергиев Посад, 2019. С. 231.

³ *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, возводящая на небо. М., 2013. С. 184.

как успокоение в ней страстных земных помыслов. Первый уровень является ступенью ко второму: воздержание от людских бесед должно вести к «отложению всех помышлений, не относящихся к делу спасения»⁴. Все это напрямую относится и к Древней Руси, которую называют второй родиной исихазма⁵.

Однако XVII в., переломный в истории страны, заставляет по-новому расставить акценты. XVII в. стал периодом, когда социальные противоречия достигли своего пика: формирование сословной социальной структуры, окончание процесса закрепощения крестьян, гражданская война, народные восстания... В это время актуализируется жанр проповеди. Священство понимает, что молчание с его стороны в таких условиях недопустимо, и проповедь начинает выполнять идеологическую функцию: привлекать внимание современников к обостряющим конфликтность проблемам, формировать единую систему аксиологических воззрений, давать модели поведения, способствующие стабилизации общественных отношений.

Проповедники XVII в. в качестве прецедентных текстов выбирают Евангельские эпизоды, в которых проявляется негативно оцениваемая форма молчания — немота, воспринимаемая как болезнь или порок⁶. Немоте и обретению дара речи посвящено несколько проповедей в «Статире», рукописном сборнике проповедей конца XVII в., созданном анонимным автором на Урале, в Орле-городке — вотчине Г. Д. Строганова. Немоте посвящено, в частности, Слово 104⁷.

В «Поучении о благодати Христове к зловерным иудеям, и о злобой прелести диаволи, и о молитве и посте», произносимой в 4 Неделю Великого поста автор обращается к 40 зачалу Евангелия от Марка. В Евангельском эпизоде рассказывается о том, как отец пришел к Христу с просьбой исцелить страдающего беснованием сына, из которого не смогли изгнать беса апостолы. Христос же

⁴ *Карабыков А. В.* Молчание как стержневой концепт культуры христианского средневековья // Сибирское юридическое обозрение. 2010. № 13. С. 103.

⁵ *Евлямпиев И. И.* Традиция исихазма в русской культуре: от Андрея Рублева до Андрея Тарковского // Verbum. 2000. № 2. С. 80–95.

⁶ *Эпштейн М.* Слово и молчание в русской культуре // Звезда. 2005. Т. 10. С. 202–222.

⁷ Сборник слов и поучений «Статир». XVII в. (третья четверть) // Российская государственная библиотека (РГБ). Собрание Румянцева. № 411. Л. 463. Далее листы рукописи указываются в скобках при цитате.

призывает отца к вере и исцеляет молодого человека: «Иисус, видя, что сбегается народ, запретил духу нечистому, сказав ему: дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него» (Мк 9. 25). Когда же ученики спрашивают, почему им не удалось изгнать беса, Христос отвечает: «...сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста» (Мк 9. 29).

Начиная проповедь, автор «Статира» обращается к истокам библейской истории и вспоминает низвержение дьявола с Небес. Все происходящее в Евангельском сюжете и в жизни своей паствы проповедник будет толковать в контексте мстительной борьбы дьявола против Бога, тем самым сближая бытовое, профанное, с бытийным, сакральным: «Не может же Супротивник со Всемогущим сразиться. Тогда он пламенем злобы дыша, на созданный образ его нападает, зверь неукротимый, и нем(и)л(о)ст(и)вно терзая воздаянием ч(е)л(о)-в(е)ще образ ц(а)р(е)в, досаду Ц(а)рю творя» (л. 463). Мы видим, что дьявол отнимает у человека то, что связывает его с Богом, черты богоподобия. Признаком Божественного начала в человеке оказывается и владение речью, способность, отличающая людей от всех остальных земных существ. На эту способность покушается дьявол, и неслучайно исцеление немых становится прерогативой Христа, призванного восстановить в человеке поврежденный образ: «Но Бл(а)гий не остави свое создание под игом диаволим, подвигся сам собою сп(а)сти свое создание, прииде <...> нѣмыя уяснити...» (л. 463).

Немоту (и глухоту) самого беса проповедник вслед за Феофилактом Болгарским толкует метафорически, переносится на духовный уровень: «Бѣс же сей нѣм и глух, глух убо той, иже не хотя послушати б(о)ж(е)ственных словес, нѣм бо, яко ни инѣх могий учити полезному» (л. 467 об.) (ср: «Этот бес нем и глух — глух, как нехотящий слышать словес Божественных; нем, как немогущий и других научить чему-либо душеполезному»⁸). В образе беса выделяются две значимые черты: неспособность воспринимать Божественную правду и, как следствие, невозможность донести ее до людей. Немоте бесовской противопоставляется слово, однако проповедник понимает, что не всякое слово от Бога. Автор выделяет несколько форм

⁸ Феофилакт Болгарский, блж. Толкование на Евангелие от Марка. Гл. 9 // Сайт «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-evangelie-ot-marka/9 (дата обращения: 07.12.2022).

словесной борьбы с беснованием, соотнеся каждую с положением субъекта речи в церковной иерархии.

Главную роль в противостоянии, конечно, занимает Сам Христос, пришедший не только избавить людей от немоты, но и «бѣсы словом изгнати». Сам являясь Божественным Логосом, Он обладает этой властью: «Услыша дух нечистый глас, им же вся видимая и невидимая сотворена. Яко прор(о)к рече: «Словесем Г(о)с(по)дним н(е)б(е)са утвердишася». Убоися зело лукавый таковаго гласа...» (л. 466).

С образом отца, молящегося Богу о бесноватом сыне, проповедник соотносит паству. Обращаясь к словам Христа: «Сеи род не может выйти иначе, как от молитвы и поста» (Мк 9. 29), — автор «Статира» указывает на удивительную силу молитвы. Именно слово, которое устремляет человека к Богу, может спасти его от власти бесов. Традиционная военная метафора молитвы-меча здесь приобретает новый смысл. Словесное соединение с Творцом включает человека во вселенскую сакральную борьбу со злом: «М(о)л(и)тва убо есть оружие д(у)ховное, меч острый на побеждение лукавых духов, на изгнание их из мест и из домов, из человек обдержимых» (л. 467). Однако первый шаг на пути этого сражения — покаяние: «...но мы своим невоздержанием падаем, уклоняемся от истины, отвращаемся от правды и самовольно Дьяволу предаемся. Но таковым достоин вопити: верую, Г(о)с(по)ди, помози моему неверию» (л. 467 об.).

Другого рода борьба отводится священству. Оно, как и паства, обязано молиться, и именно с молитвы начинается Слово автора «Статира». Такое начало — традиционный элемент композиции гомилетического текста, однако перед нами не просто формальное соблюдение канона. Уже во вступительном слове проповедник осуществляет рефлексию по поводу Евангельского зачала, соединяя ее с осмыслением собственного труда. Пастырь молится прежде всего о ниспослании дара речи: «...молю же Хр(и)ста ч(е)л(о)в(е)колюбиваго Б(о)га: да <...> уяснит гугнивый мой язык, да ясно во(з)гл(а)голю аз о преславных делех и чудесех его» (л. 463 об.). За молитвой следует обращение к пастве, в котором становится ясно, для чего священник испрашивал благодати. Он кается перед прихожанами, что бывает суров и даже жесток по отношению к ним, но вести себя иначе он мог бы, только поступившись совестью и поставив

признание паствы, ее и свой комфорт выше Божьей воли: «Но вем, что труден и жесток вам являюся, суров и гневлив но увесте, возлюбленнии, яко не имений ищю от вас, ниже ласкаю вас, ниже славы желаю, сия творя. Понеже бо мы законом Б(о)жиим привязани суще к вам <...> и зело вам привязахомся, бл(а)говествованием убо, понеже Б(о)г повелел, сих ради и возвещаем вам, да не молчания ради суд поимем» (л. 463 об.). Обличение, по мнению автора «Статира», — необходимая составляющая деятельности священнослужителя, который радеет о своей пастве, молчание же, «немота» — не просто проявление небрежности, а грех, заслуживающий Божьего Суда. Священник становится связующим звеном, посредником коммуникации между Богом и людьми: он доносит Божье слово до людей и призывает их обратиться со словами молитвы к Создателю. В своей способности доносить истину священнослужитель противопоставляется как Евангельскому немому бесу («Бѣс же сей <...> нѣм бо, яко ни инѣх могий учити полезному» (л. 467 об)), так и самому дьяволу, который хоть и владеет речью, но обращает этот навык против Бога: «Сих ради не престану гл(агола)ти и бл(а)г(о)дѣяния Христове по силе тупаго ума проповедати, и законы его возвѣщати, и дьяволу прелесть обличати. Зол клеветник и оболгатель дьявол» (л. 464). Оказывается, что слово может приближать не только к Богу, но и к дьяволу, и потому орудие необходимо уметь правильно использовать.

Таким образом, в эпоху общественных нестроений, в «бунташный» XVII в., автор «Статира» напоминает: главная борьба, которую люди должны вести в мире, — борьба с дьяволом, борьба за спасение душ. В этой битве объединены все: Господь, священство и каждый верующий человек, и победа над злом в себе и в мире возможна только через обращение к слову, через обретение «божественного дара речи».

Источники и литература

1. *Евлампиев И. И.* Традиция исихазма в русской культуре: от Андрея Рублева до Андрея Тарковского // *Verbum.* 2000. № 2. С. 80–95.
2. *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица, возводящая на небо. М.: Изд-во Сретенского монастыря. 2013.
3. *Исаак Сирин, прп.* Слова подвижнические. Сергиев Посад, 2019.
4. *Карабыков А. В.* Молчание как стержневой концепт культуры христианского средневековья // *Сибирское юридическое обозрение.* 2010. № 13. С. 101–104.

5. *Никодим Святогорец, прп.* Невидимая брань. М.: Сибирская благовонница. 2010.

6. Сборник слов и поучений «Статир». XVII в. (третья четверть) // Российская государственная библиотека (РГБ). Собрание Румянцева. № 411.

7. *Феофилакт Болгарский, блж.* Толкование на Евангелие от Марка. Гл. 9 // Сайт «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-evangelie-ot-marka/9 (дата обращения: 07.12.2022).

8. *Эпштейн М. Н.* Слово и молчание в русской культуре // Звезда. 2005. Т. 10. С. 202–222.

Anna D. Korelina

The Ability to Speak and Dumbness in the Sermon of the 17th Century

Abstract. The work shows how the motif of dumbness, relevant for the preaching literature of the 17th century, is realized in the little-studied compilation “Statir”. The author focuses on one of the homilies dedicated to the Gospel episode of the exorcism of a deaf and dumb demon by Christ, as well as on the role of prayer in a human life and the importance of sermons.

Keywords: “Statir”, possessed, dumbness, gift of speech, sermon, 17th century

For citation: Korelina A. D. Obretnie dara rechi i nemota v propovedi XVII v. [The Ability to Speak and Dumbness in the Sermon of the 17th Century], *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriiia — Church. Theology. History*, 2023, no. 4, pp. 370–375.

About the author: Korelina Anna Dmitrievna — 4th year student of the Bachelor's degree at the Faculty of Philology of the Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg). E-mail: naste.ak@ya.ru